

Два издания четвертой книги “Анналов”

Tacitus. *Annals Book IV*. Ed. by R. H. Martin and A. J. Woodman. Cambridge Greek and Latin Classics, Cambridge UP 1989 (reprint. ed. 1994). VIII, 281 p., plate; Tacitus. *Annals IV*. Ed. with transl. and comm. by D. C. Shotton. Warminster (Wiltshire), Aris and Phillips, 1989. XVII, 207 p.

Одновременное появление двух комментированных изданий одной и той же книги “Анналов” – это приятная неожиданность, разумеется, явно не запланированная авторами, кстати, работающими довольно близко друг от друга (Мартин (= М.) – в Лидсе, Вудмен (= В.) – в Дареме; Шоттер (= Ш.) – в Ланкастере). Что со смертью Ф. Гудьера (1987) интерес к начатому им изданию “Анналов” I–VI в Англии не ослабевает, было ясно, но почему бы не начать с третьей, перед которой остановился покойный? Возможно авторы опасались, что с 1981 г., когда вышел второй и последний гудьеровский том, преждевременно ушедший из жизни оксфордский латинист успел подготовить и следующую книгу, чего на самом деле не произошло¹. Впрочем, оба издания не идентичны друг другу даже внешне: Ш. предлагает параллельный перевод (45–125), но он работает с текстом Фишера (Оксфорд 1906)², в то время как М. и В. дают нам самостоятельную рецензию тацитовского текста. Тем интереснее сравнивать обе книги. Их авторы давно уже себя зарекомендовали: М., недавно отметивший свое восьмидесятилетие, известен своим изданием Теренция, а также важной монографией о Таците (1981); В. (род. 1946) подготовил издание Веллея Патеркула (CUP 1977–1983), интересную монографию “*Rhetoric in Classical Historiography. Four Studies*” (1988), а также ряд сборников и статей; Ш. с 1965 г. опубликовал 20 работ по “Анналам” и “Историям”, широко используя данные нумизматики.

¹ Тем временем третья книга действительно вышла в свет: A. J. Woodman and R. H. Martin. *The Annals of Tacitus. Book 3* (Cambridge classical texts and commentaries 32, CUP 1996) (см. рецензию в следующем номере этого журнала), но, как следует из предисловия (IX), Гудьер не оставил к ней никаких материалов.

² За что он и подвергся справедливой критике, см. S. Borzsák в *Gnomon* 63 (1991): 1, 21–22.

Оба издания открываются введениями. М. и В. ориентируются преимущественно на студенческую аудиторию и поэтому начинают с обзора латинской историографии до Тацита (1–10). Он построен на анализе трех известных пассажей: фрагмента из Семпрония Азеллиона (ок. 133 до н. э.) = Gell. V, 18, 9, рассуждений Антония в Цицероновском диалоге “Об ораторе” (Cic. *De or.* II, 15, 62–64) и письма Цицерона к Луккею (Cic. *Fam.* V, 12, 3–6) и далее через Саллустия и Ливия к Квинтилиану. С. Боржак в своей рецензии (*Гумл.* 98 [1991] 281–283) порицал авторов (здесь явно В.) за то, что они предварительно ничего не сказали о греческих историках и, в частности, о “трагической” историографии Дуриса Самосского. На наш взгляд, скорее следовало бы упрекнуть В. за попытку представить античную историографию как принципиально отличную от современной (4): он опирается на известное высказывание Квинтилиана (Quint. X, 1, 31):

[historia] est enim proxima poetis et quodam modo carmen solutum est,

но забывает при этом уточнить, что последний имел в виду только эпическую поэзию

... et scribitur ad narrandum, non ad probandum... ideoque et verbis remotioribus et liberioribus figuris narrandi taedium evitat.

Поэтому в аргументе В. “since we tend to regard oratory and poetry as separate activities with little in common; but this was not so in the ancient world etc.” (4) содержатся две неточности: а) историография не может быть отнесена к ораторскому искусству – это вероятно простая небрежность В., – и б) мы понимаем под поэзией нечто совсем другое, чем древние, и в этом, пожалуй, главное отличие современной литературы от античной, не считая появления новоевропейского романа, развития публицистики и т.д.

Далее у М. – В. следует раздел “Карьера Тацита”, где основное внимание уделено творческому пути нашего писателя вплоть до начала работы над “Анналами”, предметом следующего раздела (12–14). Здесь нам сообщается, что Тацит разделил правление Тиберия на два периода: хороший (14–22 гг. н. э.) и относительно плохой (23–37) – и каждому посвятил по три книги. Четвёртая книга открывает второй период. Любопытно и весьма категоричное высказывание (13), что аллюзии на Саллустия в первой фразе “Анналов” однозначно свидетельствует о том, что

последний был для Тацита образцом (“... that his work is to be modelled on Sallust”).

Остальная часть “Введения” (14–34) отведена анализу 4-й книги. В., которому, несомненно, принадлежит и этот раздел, после краткой характеристики книги – она во многом напоминает первую, что подчеркивает ее значимость (14) – переходит к анализу ее структуры, отмечая симметричность рассказов о внутренних и внешних делах внутри каждого из трех двухгодичных блоков, на которые разделено повествование. Затем он прослеживает динамику развертывания внутренних дел (в их центре отношения Сеяна и Тиберия), рассматривает внешние эпизоды, которых оказывается поразительно много для столь неблагоприятного, по словам Тацита, периода (32, 3)

nobis in arto et inglorius labor: immota quippe aut modice
laccessita pax etc.,

и, наконец, утверждает (19), что Тацит в гл.16 необоснованно отнёс на конец 26 г. н. э. смерть Азиния Агриппы и Квинта Хатерия – последнее, на наш взгляд, совершенно неубедительно. Тема «конец года в “Анналах”», затрагиваемая здесь В., явно требует пристального изучения.

Интересен и очерк языка и стиля (19–26), хотя главная проблема – наличие орфографических и морфологических дублетов³ – здесь даже не затрагивается, и авторы, следуя рукописи, печатают *vulgum* acc.sing. вместо *vulgus*, *Thraeces*, *Thraecia* при более обычном *Thracia* (ср. *Ann.* II, 54, 1; 66, 1; 67, 1), acc. pl. на *-is* и т. д. без особых угрызений совести⁴. В центре внимания, таким образом, не язык, а стиль и, в первую очередь, столь необходимое для историка варьирование (см. выше, *Quint.* 10, 1, 31). В лексике это, в соответствии с рекомендациями Цицерона (*Cic. De or.* 3, 38, 152 sqq.), архаизмы (в их использовании Тацит гораздо умереннее Саллустия), новые слова (их немного: прилагательные типа *intutus*, *praegracilis*, *peramoenus*, несколько отглагольных имен на *-tor*), поэтизмы (*iuenta*, *grates*) и метафоры (полный список на с. 22). Для синтаксиса делается отсылка к комментарию и специальным работам, но зато подробно рас-

³ См. нашу статью: Prolegomena к “Анналам” I–VI Тацита // *Hyperboreus* 2 (1996): 1, 169–184.

⁴ Если не считать примечание к 14, 3 *apud vulgum* (138). В оправдание авторов следует сказать, что их издание продолжает вышедшие ранее два тома Гудиера (они цитируются как G. 1 и G. 2 едва ли не на каждой странице) и занятая последней позиция (см. относительно *vulgum* Goodyear ad I, 47, 3), как правило, не пересматривается.

считается излюбленная тацитовская конструкция с вынесенным вперед коротким главным предложением и порой очень длинным аппендиксом, обычно образуемым *abl. abs.* с последующими придаточными предложениями, ср. IV, 2, 3; 5, 3; 9, 2; 14, 1; 19, 3; 29, 2; 36, 3; 54, 1; 59, 3; 66, 1; 71, 3; 73, 1; 74, 1, а также рассматриваемые в тексте 29, 1 и 64, 1. В преобладании этого типа фразы авторы справедливо усматривают особый взгляд историка на записываемые им события, когда акцент с самого действия переносится на его причину или его оценку окружающими, опасаясь открыто выразить свои мысли и чувства. Не оставлено без внимания и синтаксическое варьирование (23–24).

После краткого анализа источников (26–27), где комментарии Тиберия (*Suet. Tib.* 61, 1; *Dom.* 20) вообще не упоминаются (они фигурируют лишь на с. 118, прим. к 8, 2), зато представлен более чем спорный тезис о независимости Светония и Кассия Диона от Тацита (постулируемый тем самым “общий источник” упоминается и в комментарии к 1, 3; 2, 1), авторы пытаются разобратся в образе Тиберия у Тацита (27–33), что уводит их далеко за рамки 4-й книги. Впрочем, личность этого императора очень важна для понимания любой из первых шести книг “Анналов”. Кроме того, начало нашей книги, где поворот в делах к худшему приписывается Сеяну (1, 1), находится в противоречии с некрологом императора, в котором временщику отведена гораздо более скромная роль (VI, 51, 3). Здесь было бы логичным предварительно установить, каким был реальный Тиберий, но авторов больше занимает вопрос, придерживался ли Тацит античной теории неизменчивости характера (*ingenium*) и не следует ли объяснять умеренность принцепса вплоть до последней фазы правления (31–37 гг..) притворством (*dissimulatio*). М. и В. с полным основанием полагают, что Тацит видел главную причину деградации Тиберия (и прочих императоров, кроме Веспасиана) в неограниченности власти (*Ann.* VI, 48, 2; *Hist.* I, 50, 4), но парадоксальность некролога они склонны связывать с постулируемой ими внутренней противоречивостью (... *a compulsive contrariness, of which his love of variatio is simply another manifestation*, 33) самого историка, что следует решительно отклонить. Скорее в обоих пассажах правление Тиберия рассматривается в двух разных аспектах: государственном (*res publica – saevitia, scelera*) и персональном (*mores – libidines, dedecora*). Маленькая главка “Текст” (33–34), посвященная рукописи и предлагаемому изданию, завершает содержательное “Введение”.

Издание III. открывается обширной библиографией в 154 названия, не считая общепринятых сокращений (VIII–XII). От-

метим попутно, что соответствующий список в издании М. – В. значительно короче – 67 названий, – причем из них только 15 общих с Ш. (!); правда, издатели приводят дополнительную литературу как в примечаниях к разделам введения, так и в комментарии. Ш. в целом опирается на более старые работы: только 10 названий, в том числе четыре его собственные статьи, вышли в 1980 и позже. Неанглийская литература представлена в обоих списках довольно скупо.

За библиографией у Ш. следуют четыре карты (у М. – В. карт нет), что весьма похвально, однако Мезия и Фракия выглядят слишком уж белым пятном: можно было указать хотя бы Филиппополь, упоминаемый в *Ann.* III, 38, 4, а также Перинф и Византий (*Ann.* II, 54, 1), не говоря уже о прославленных ссылкой Овидия Томах; фигурирующую на карте № 4, но отсутствующую в “Анналах” и “Историях” Дакию (она появляется только в *Agr.* 41, 2 в связи с войнами конца 80-х годов) следовало бы заменить на гетов (*Ann.* IV, 44, 1), прибавив к ним бастернов и скифов (*Ann.* II, 65, 4). Горные хребты на картах Ш. не отмечаются, но для Хема (III, 38, 4; IV, 51, 3) надо было сделать исключение (см. ниже).

Введение (1–34) состоит из семи глав, каждая из которых оригинальна и интересна в своем роде. В первой, “Жизнь и взгляды Тацита” (1–5), лейтмотивом творчества писателя объявляется соотношение принципата и свободы (*Agr.* 3, 1), установленное в программной речи Гальбы (*Hist.* I, 15–16) и реально осуществленное Нервой и Траяном, что позволяет Ш. говорить об оптимизме Тацита. Ставящаяся многими под сомнение беспристрастность историка оценивается Ш. вполне положительно: Тацит старался преодолеть характерный для монархий дефицит информации и воссоздать описываемое им время, используя для этого слухи, предсказания и собственные предположения. В главе “Анналы” (5–14) краткий анализ композиции и стиля подчеркивает художественные достоинства первого шестикнижья по сравнению с остатком второго (XI–XII) и книгами, посвященными Нерону. Отдельно рассматриваются: а) вопрос о начальной дате “Анналов”; б) военная история (отсутствие географических деталей, несущественных для римского читателя, компенсировано выразительностью изображения); в) речи (они интегрированы в повествование; в речах Тиберия заметно влияние оригиналов); г) слухи, необходимые для воссоздания атмосферы эпохи, что справедливо и для д) – постоянная мотивация описываемых действий, современным исследователям кажущаяся про-

извольной. Вывод: Тацит – серьезный историк, а "Анналы" – вершина (сlіmax) античной историографии.

Глава "Тиберий" (14–19) содержит краткую и сочувственную биографию императора, несчастья которого начались на тридцатом году жизни, когда Август после смерти Агриппы (12 г. до н.э.) заставил его развестись с любимой женой Випсанией (дочерью Агриппы, родившей ему сына) и жениться на Юлии. Следующие шестнадцать лет были для него нелегким испытанием, отнюдь не улучшившим его и без того замкнутый характер. Это обстоятельство, собственные ошибки и в особенности неожиданная смерть Германика сделали Тиберия непопулярным несмотря на его искренние намерения сотрудничать с сенатом. К этому можно добавить, что неоднократно упоминание тайных пороков принцепса (*secrete libidines* – *Ann.* I, 4, 4; 74, 3; IV, 57, 1–2; VI, 51, 3, ср. *Suet. Tib.* 42–45) несомненно имело под собой какие-то основания⁵. 4-я и 5-я главы, "Семья Германика" (19–22) и "Сеян" (22–26) продолжают и дополняют предыдущую, создавая весьма убедительную и увлекательную реконструкцию политических интриг вокруг Тиберия. Следующая за ними глава, «Источники "Анналов"» (26–30), возвращает нас к проблеме состоятельности Тацита как историка. Ш. и здесь убедительно показывает, как серьезно относился Тацит к своей задаче: не случайно почти все авторские отступления в "Анналах" имеют темой критику источников (*Ann.* I, 1; 76, 4; IV, 10–11; 32–33; 57, ср. *Hist.* I, 1). Главными из них были, по всей видимости, аста *senatus*, но автор, как в свое время Фукидид, явно стремился использовать любую имеющуюся информацию. Только последняя глава «Содержание 4-й книги "Анналов"» (30–34) имеет непосредственное отношение к предлагаемому изданию, хотя Ш. и ее использует для объяснения характера и действий Тиберия. Генеалогическая таблица Юлиев – Клавдиев и четыре листа иллюстраций с монетами этого периода удачно дополняют очерк Ш., который вполне мог бы служить предисловием к переводу всех Тибериевых книг "Анналов" и вообще имеет самостоятельное значение.

В комментарии (126–204) Ш. успешно продолжает, насколько ему позволяет текст, свою линию реабилитации Тиберия (см. примечания к 1, 1 и т. д.), почти не задерживаясь на текстологических и языковых вопросах. Последние подробно рассматриваются у М. и В., где, напротив, чисто историческая проблематика представлена более сжато, но с отсылками к более новой

⁵ Ср. E. Koestermann. *Kommentar II* (Heidelberg 1965) 15.

научной литературе. Текстологии, к сожалению, уделено гораздо меньше внимания, а критический аппарат местами практически отсутствует, что имеет следствием явный перекокс в сторону стилистики и наводит на грустные размышления.

Нижеследующие замечания относятся в основном к более подробному комментарию М. и В. (77–263).

1, 2 *Apicio*: Относительно данного персонажа вполне можно обойтись без упоминания знаменитой римской “Кулинарной книги” (ср. Ш. 127), однако нельзя утверждать, что последняя была написана “другим Апицием” (by a later Apicus): в основе нашего трактата все же лежат рецепты тибериевского гурмана, (см. Apicus. *De re coquinaria / Über die Kochkunst*. Lat.-dt. Hrsg. v. R. Maier [Stuttgart, Reklam 1991] 250–252).

2, 3 *facili Tiberio atque ita prono ut*: Нельзя, разумеется, из пассажей типа Juv. 6, 49 *Tarpeium limen adora / pronus* делать заключение, что “богоподобный император (15, 3) оказывается таким образом ниже своего слуги” с отсылкой к концу книги (гл. 74). Речь идет о разных значениях прилагательного *pronus*: прямо, “наклоненный вперед” (применяется не только к молящимся, но и к животным и предметам) и переносном, “благосклонный, расположенный, готовый”.

5, 2 *accolis Hiberno Albanoque et aliis regibus*: Здесь оба комментария преподносят нам по сюрпризу: у Ш. мы читаем, что иберы и албаны, “вероятно, были скифского происхождения”; М. и В. вслед за Р. Саймом (*JRS* 72 [1982] 70–71) отмечают отсутствие Армении и делают из этого вывод, что наш пассаж был написан после ее аннексации в 114 г. Но Армения издавна была разделена на Малую (к западу от Евфрата) и Большую, управлявшиеся своими царьками, равно как и Киликия и Полемонов Понт (Ш.). В *Ann.* II, 56, 1–3 Тацит уже говорил об армянах и здесь просто не счел нужным упомянуть их снова.

6, 4 *providebat*: Хотя точка встречается в старых изданиях, начиная с К. Хальма здесь обычно ставят двоеточие или, что на наш взгляд хуже, точку с запятой (Draeger, Koest., Heubn., Borsz.). В подобных случаях изменения интерпункции надо по крайней мере обосновывать.

7, 1 *set*: М. и В. печатают эту не очень редкую форму, отмечая в комментарии, что она идентична *sed*; то же написание мы находим в 32, 1; 35, 4, но в 10, 1; 34, 5 *sed* при том, что в *M set*, см. последнее тейбнеровское издание “Анналов” (S. Borzák, Stuttgart–Leipzig 1992), где в критическом аппарате приводятся все разночтения. Из него видно, что в рукописи присутствуют также написания *aput* (часто), *haut*, *aliut*, *aliquit*, *illut* etc., как

правило, не принимаемые в текст, хотя они возникают примерно в середине I в. до н. э., см. *Hyperboreus* I (1994–1995) :2, 150, прим.8. К сожалению, Гудьер ничего не говорит об этих дублетах с -t, хотя и отмечает их в своих критических *appendices*, см. G. 1, 331–333; 2, 450–455.

8, 4 *confirmaret*: в *M* стоит *conformaret*, но под -o- видны следы выскобленного -i-, как впервые обнаружил Андресен (Halm – Andresen 1913). Чтение Ренана *confirmaret* – это конъектура, вышедшая из моды со времен Хальма и Ниппердея. Наши авторы пытаются воскресить ее, используя вышестоящее 8, 4 *firmatos adloquio adulescentulos...statuunt*, т. е. как пример известной тацитовской вариации *verbum simplex et compositum*, со ссылкой на диссертацию Сёрбома (G. Sörbom. *Variatio sermonis Tacitei etc.* [Uppsala 1935]), однако приведенные шведским ученым примеры (*op. cit.*, 42), а именно *Hist.* II, 37, 1–2 *posito – deponerent*; III, 10, 2 *poscebatur – 11, 2 deposcerent*; 74, 2 *exposcit – 75, 3 poscenti*; IV, 18, 1 *fugeret – 3 transfugiens*; V, 6, 2 *impellitur – 4 pelli*; 11, 1 *instructas – struxere*; *Ann.* II, 17, 5 *ne nosceretur – adgnitum*; III, 24, 2 *depulit – 4 pulsus foret*; XI, 37, 2 *nuntiari – denuntiat*, равно как и аналогичное варьирование однокоренных глаголов с разными приставками (*ibidem*), никогда не затрагивают одновременно авторскую и прямую речь, как в нашем случае. Кроме того, *M* содержит немало описок копииста такого рода, частично исправленных им самим.

Немало поучительного можно почерпнуть и из комментария Ш. к гл. 1–9. В частности, по поводу 2, 3 *colique per theatra et fora effigies eius* (sc. Seiani) он приводит реплику Кремутия Корда “*tunc vere theatrum perire*” (*Sen. Cons. ad Marc.* 22, 4) – о возобновлении театра Помпея после пожара; примечания к 7, 1 *horridus* и к 9, 2 *eadem* очень информативны; к 8, 2 *victo gemitu* Ш. приводит мнения Кассия Диона и Светония о причастности Тиберия к смерти Друза и заключает, что выступление императора в сенате имело целью прекратить эти слухи. Последнее кажется нам сомнительным: из рассказа Тацита видно, что Тиберий ничего не знал о своем предполагаемом участии в отравлении сына (IV, 10–11) – толки об этом пошли скорее всего только 8 лет спустя – и, отправляясь в сенат, хотел лишь урегулировать вопрос о престолонаследии. Почему М. и В. усматривают в экскурсии 10–11 намерение Тацита “очернить Тиберия видимостью защиты” (р. 125: “...vilifying Tib. by appearing to defend him”), нам совершенно не понятно.

13, 2 ... *C. Gracchus. Hunc comitem exilii etc.*: Вместо точки мы предложили ставить двоеточие, так как последующее служит по-

яснением к упоминанию Гракха, см. *Hyperboreus* 1 (1994–1995) :2 153.

16, 2 *accedere ipsius caerimoniae difficultates*: Отметим попутно, что Боржак печатает здесь конъектуру Якова Гроновия *accedere et*, встречающуюся в первых изданиях Хальма, но решительно отвергнутую Ниппердеем (*Corn. Tacitus a C. Nipperdeio recognitus I* [Berol. 1871] praef. IV). *Accederet M* (-t expunctum) явно возникло под влиянием последующего *exiret*.

21, 3 *atque illic eadem <f>actitando*: весьма удачная конъектура Вудмана, которую одобрил Боржак в своей вышеупомянутой рецензии.

26, 2 *et culpae conscia Lips.*, *et c. nescia M*, *set c. nescia Halm, Koest., Heubn.* (sed c. n.), *et <si> c. nescia Lench., Fuchs*, *et c. socia Nipp.* Мнения ученых относительно признания гарамантами своей вины, т.е. сознательного участия в восстании Такфарината, разделились. Ш. защищает рукописное чтение, т.е. возлагает всю ответственность на царя гарамантов; М. и В. принимают конъектуру Липсия, как и С. Боржак три года спустя (по их примеру?). Поразительно, что Ниппердей, в комментарии всю жизнь державшийся предания (в трактовке Хальма), в своем издании за четыре года до смерти решился на конъектуру, кстати, палеографически очень убедительную. Но не меньшее впечатление производит и аргумент Хальма в критическом аппарате, что Тацит не стал бы особо подчеркивать раскаяние гарамантов: оно уже содержится в непосредственно предшествующем *Tacfarinate caeso percussa gens*. Кроме того, *nescius + gen.* встречается у Тацита еще 11 раз, а очень похожий случай 20, 4 *insontes magistratus et culpae alienae nescios* стоит очень близко от нашего пассажа.

24, 3 *legatis*: М. и В. выражают недоумение по поводу множественного числа: ведь в Африке оставался всего один легион. Вероятно, в свите проконсула – или в самой провинции – были отставные военные: так Цицерона в Киликию сопровождал его брат Квинт – и не остался там без работы.

28, 1 *peroranti filio <pater> praeparatur*: Лучше, на наш взгляд, конъектура Мадвига *<pater> comparatur* из лексики гладиаторских боев, но Тацит не очень любит народный язык и народные развлечения, вследствие чего мы бы рекомендовали *<pater> paratur*⁶, что более подходит палеографически (смешение сокращений, ср. *p*, *p*^r = *praе*, хотя *pater* обычно пишется полностью).

⁶ Аналогичную идею уже, как оказывается, предложил D. Wardle в *CQ* 43 (1993) 346–348.

31, 3 *ut iure iurando obstringeret*: М. и В. отмечают отсутствие *se*, которое, вероятно, следует восстановить: *obstringeret se*, см. *Hyperboreus* 1 (1994/1995): 2, 152.

30, 1 *Gallus Asinius Gyaro aut Donusa claudendum <cum> censeret*: недостающее *cum* все ставят по-разному, причем ни один комментатор не удостоивает этот вопрос ни единым словом. Отметим также, что Липсий предлагал палеографически весьма убедительное *censere[t]* (inf. hist.?), ср. выше *molliret*.

33, 1 *delecta ex his et conflata (consciata M) rei publicae forma*: конъектура Кисслинга *conflata* не невозможна палеографически (S/F, I/L в унциале), но общепринятое *cons<o>ciata* намного проще. Попытка сблизить наш пассаж с *Cic. De rep. I, 53–54 formam rei publicae maxime laudant ... quod conflatum fuerit ex omnibus* вызывает сомнение слишком большим сходством: Тацит никогда не цитирует дословно свои источники. Утверждение М. и В., что *consocio I* немыслимо в данном контексте (р. 173: "unacceptable meaning") со ссылкой на *OLD* опровергается приведенным там *Hor. Carm. II, 3, 10 pinus ingens albaque populus umbram hospitalem consociare amant ramis*, и совсем не исключено, что Тацит не имел здесь в виду именно этого места из знаменитого стихотворения поэта (*Aequam mento rebus in arduis*). Кроме того, *conflo I* у него не встречается, а *consocio I* появляется в "Анналах" XI–XVI еще четыре раза. По-видимому, Боржак все же поторопился принять новое чтение в свое издание.

33, 2 *neque alia rerum <salute> quam si unus imperitet*: Уже принятая ранее Хейбнером (1983) вставка Брингманна (*Historia* 20 [1971] 376) вполне обоснована по смыслу, но весьма сомнительна палеографически, так как а) наша рукопись не грешит подобными пропусками и б) *salute* принадлежит к числу "непотопляемых" слов, с которыми, как правило, ничего не происходит: даже если на него попадет пятно, его легко восстанавливает очередной переписчик. Больше подошло бы что-то коротенькое типа <vi>. Общепринятая конъектура Липсия *ge Rom(ana)* создает труднообъяснимый гапакс, так как в конструкции *neque (non) aliud (alium etc.) ... quam ut (si)* встречаются только глагольные формы, отглагольные существительные и близкие им слова, ср. *Germ. 46 suffugium, Ann. I, 9 remedium (=IV, 17; XIII, 25), Ann. I, 17 levamentum (=I, 30); XVI, 16 defensionem; Hist. IV, 63 finem belli*; см.: A. Gerber – A. Greef. *Lexicon Taciteum* (Lipsiae 1877–1903) 66 b⁷.

⁷ См. подробнее в нашей статье "Тацит и принципат (*Ann. IV, 33, 2*)" // *Классические языки и индоевропейское языкознание. Материалы чтений, посвя-*

34, 4 *uterque opibus[que] atque honoribus perviguerunt*: Вслед за Фуксом и Хейбнером М. и В. возвращаются к практике времен Хальма и Андресена (только Ниппердей сохранял рукописное чтение, хотя и находил тройное -que неприятным (anstößig)). Кёстерманн, и в данном случае пошедший за консервативным Леншатином (горячо поддержанным Р. Саймом, см. *JRS* 38 [1948] 122 ff), усматривает здесь полисиндетон (*Komm.* II, 121 ad loc).

43, 4 *montem apud Erycum*: М. и В. не проходят мимо необычной фигуры оронима, хорошо известного римлянам как благодаря отчаянному сопротивлению карфагенян в первой Пунической войне (см. *Liv.* XXI, 10, 7; 41, 6. 9. 11; XXVIII, 41, 5) – Лилибей и Эрикс были их опорным пунктом в западной Сицилии, – так и своим знаменитым храмом Венеры, о котором идет речь. Английские ученые не подвергают сомнению аутентичность рукописного чтения, колеблясь лишь в отнесении оронима к классу существительных или прилагательных, хотя Юст Липсий предпочитал здесь регулярную форму *Erycum*, удержавшуюся в тацитовских изданиях вплоть до XIX в. Возврат к рукописному чтению *M* основывается главным образом на *Cic. Verr.* II, 22, 115, но рукописная традиция этого памятника очень ненадежна. Палеографически замена -um на -em в нашей рукописи не представляет особых трудностей, ср. *militum* вместо *militem* в I, 69, 3 и II, 80, 3; *honorum* вместо *honores* в II, 36, 3 и т.д. Не исключено, что вариант *Erycus* действительно существовал: он засвидетельствован в *CIL* X, 7258 ... *pro pr(aetore) [mi]litesque in monte Eryco fecerunt*, но сама надпись не сохранилась и известна только по спискам, которые могут быть неточными, как в случае с Требелленом Руфом⁸. Возможно, существование варианта *Erycus* в трактате *De orthographia* Теренция Скавра, знаменитого грамматика времен Адриана (*GL* VII, 29–30), откуда он легко мог попасть в тацитовский текст, как едва не попал в текст Флора I, 18, 12⁹. Так или иначе, мы не имеем права приписывать Тациту нелитературную форму *apud Erycum*.

щённых 100-летию со дня рождения профессора И. М. Тронского (СПб. 1977) 73–76.

⁸ См. наши *Prolegomena* V (в этом номере).

⁹ Там известный *codex Nazarianus* (Palat. lat. Heidelb. 894, s. IX m.) противостоит знаменитому *Bambergensis* E III 22 s. X, но на стороне последнего рукописи Иордана, широко использовавшего Флора.

43, 4 *suscepit curam libens: suscepitque Ritt.* Конъектуру Риттера приняли Кёстерманн (1933), Фукс (1946, 1960) и Хейбнер (1983), на наш взгляд, с полным основанием.

46, 1 *qui montium editis inculti Ber. incultu M:* похвально стремление издателей отойти от странного *incultu...agitabant*, но выбранное ими исправление Бероальда (так писал и Юст Липсий) не очень удачно: *incultus* у Тацита к людям не применяется. На наш взгляд более приемлема конъектура Беценбергера *sine cultu* (Halm, J. Müller, Furneaux). *Incultu*, за которое ратовал Ниппердей, а теперь Ш. и Боржак, у нашего автора не встречается и здесь означало бы "из-за отсутствия заботы (о них)".

49, 3 *simulque armenta:* В М стоит *simulque*, явно под влиянием предшествующего *aequae*. Липсий писал *simul equi, armenta*, принятое в современных изданиях. *Simulque* после Хаазе и Ниппердея (*Ann.* 1871) никто не печатал, но оно заслуживает внимания, так как наличие табунов лошадей у горных фракийцев нуждается в обосновании.

50, 2 *neque ignobiles, quamvis diversi sententiis:* М. и В. возвращаются к рукописному чтению, что предпочтительнее конъектуры Мадвига *tantum his diversi*, популяризованной Андресеном и Кёстерманном. Однако *quamvis* означает не "хотя", а "сколько угодно" (= *quantumvis, admodum*) *Lench.*, cf. *Wuil.*), и запятая перед ним излишня. Тацит рисует нам картину совета племени, где первыми мнение высказывают все прочие, пока очередь не доходит до вождей.

57, 1 *tandem Caesar in Campaniam <concessit>:* Какой-то глагол движения здесь необходим, но мы не рекомендовали бы буквально воспроизводить III, 31, 2 *Tiberius...in Campaniam concessit*, так как а) *<concessit>* *Otto* слишком длинно (см. выше к 33,2 *<salute>*) и б) далее говорится о его *abscessus* и 58, 2 *excessisse Roma*. Лучше на наш взгляд *<abiit>* *tandem etc. Caesar iit Campaniam* Липсия не совсем хорошо не только устранением нужного предлога, но и по той причине, что *iit* встречается в "Анналах" только в обороте *ultum iit*: видимо, не все формы от *eo* употреблялись нашим автором.

67, 3 *duodecim villarum f̄nominibus et molibus f̄ insederat:* Решение М. и В. менять здесь текст выглядит парадоксальным: ранее этого никто не делал. Некоторые проблемы возникают лишь с интерпретацией, а именно *abl. instr.* "занял виллами" или *dat.* "вселился в ранее существовавшие виллы" – сам Тиберий мало строил (*modicus privatis aedificationibus VI, 45, 1*). Последнее кажется нам менее вероятным, так как а) остров Капри приобрел у Неаполя Август, так что при Тиберии чужих вилл здесь уже

быть не могло, и б) надо учитывать масштабы: Тиберий мог застроить весь Капри без всякого ущерба для своей репутации. Вообще точность описания острова предполагает аутопсию.

67, 3 *tanto occultior in luxus ... resolutus*: *Occultus* не редкость в предикативной функции, но для сравнительной степени при part. perf. pass. аналогию надо поискать. Здесь обычно пишут *occltiior<es> in luxus* (исправление Вайссенборна); стоит подумать об *occultius*. Рукописное чтение последние полтора столетия было малопопулярно (Haase, Lenchantin).

69, 3 *non alias magis anxia et pavens civitas, <cautissime> agens adversum proximos: congressus ... vitari*: Уже Халм ставил здесь †, предлагая в аппарате *caute agens*, что нашим издателям следовало бы упомянуть. На наш взгляд, мы здесь имеем дело не с лакуной, как это обычно думают (Halm: “cum probabile sit aliquid intercidisse”), а с проникшей в текст глоссой, *egens* из *agens*(?), т. е. *non alias magis anxia et pavens civitas adversum proximos etc. c* эллипсом *erat*. Неплохо и старое чтение ... *civitas, etiam adversum proximos* (B. Rhen. 21544). Все прочие решения (<t> *egens Lips.* и т. д.) дают плохой синтаксис (см. Walther, ad loc.).

71, 1 *veteres et praegraves*: Вряд ли можно понимать оба эпитета доносчиков буквально: “постаревших и потучневших” (p. 254: “gone to fat”). Обычный перевод “надоедливых” (Модестов), “Who by now aggravated him” (Shotter), “importuns” (Wuilleumier), “lästig” (Heller).

73, 3 *Cethecio Labeoni*: После Липсия здесь все писали *Cethego*, но английские издатели решили последовать рекомендации Р. Сайма (*JRS* 39 [1949] 11). Однако следует учесть, что а) аргументация Сайма основывается на поздних примерах, скорее всего именах клиентов Кетегов или их потомков, и б) в М есть и другие случаи лишних -i- в суффиксах личных имен, напр. III, 38, 1 *cordium*, VI, 39, 3 *porraei*; 40, 1 *quintius*; 2 *blasii*, не говоря уже о варианте *trebellienus* – почти для каждого из них можно подобрать аналогии в поздних надписях¹⁰. Боржак, кое-где использовавший новое английское издание, в данном случае с полным основанием остался на старых позициях.

В целом, несмотря на все вышеизложенные замечания, комментарий М. и В. производит очень выгодное впечатление своей нацеленностью на текст и стремлением дать исчерпывающие сведения во всем, что касается языка, композиции и стиля. К сожалению, у этой медали есть и обратная сторона: явная недооценка Тацита как историка, проявляющаяся в более чем спор-

¹⁰ См. *Prolegomena V* (в этом номере).

ных толкованиях чисто исторического материала. Уже во “Введении” мы отметили попытку объяснить две внешне разные характеристики Тиберия в “Анналах” противоречивостью (!) самого автора (см. выше, с. 191). В “Комментарии” эта линия продолжается, см. прим. к 11, 1 *insita ... cunctatione et mora*¹¹, характеристики речи Тиберия в сенате (37–8, сс. 186–7) и, уже вне всякой связи с императором, стремление поставить под сомнение самые очевидные утверждения автора в 36, 1 *postulandis reis tam continuus annus fuit ut*¹² и 32–3 о непривлекательности для историографа правления Тиберия¹³.

На этом фоне гораздо более скромный по объему и целям комментарий Шоттера ничуть не проигрывает, ухитряясь местами предлагать читателю более интересную и полную информацию. Секрет здесь в том, что М. и В. опускают биографии второстепенных персонажей (и даже их упоминания другими античными авторами!), отсылая к работам Сайма, что вообще-то некорректно, так как далеко не у каждого преподавателя, не говоря уже о студентах, стоит на полке постоянно цитируемая *AA* (*The Augustan Aristocracy* [Oxford 1986]) и тем более пятитомные *RP* (*Roman papers* [Oxford 1979–1988]), кстати, отсутствующие в библиотеках нашего города. Очень подкупает и то, что, даже оспаривая отдельные утверждения Тацита, Ш. всегда сохраняет дистанцию, относясь к нему не только как к гениальному писателю, но и как к великому историку.

В этих взаимных достоинствах обоих английских изданий лежит залог дальнейшего прогресса: соединенные вместе, они дадут нам очередной том блестящей кембриджской серии, которая, как мы надеемся, будет когда-нибудь доведена до конца.

А. Б. Черняк

¹¹ P. 127: «Conversely and typically, however, T. can also portray Tib. as forthright (e. g. I, 7, 5 “nusquam cunctabundus”) and feigning hesitation (I, 46, 1 “cunctatione ficta”) when it suits him». Но продолжим цитату в I, 7, 5: *nusquam cunctabundus nisi cum in senatu loqueretur* (!), т.е. по природе своей Тиберий не был тугодумом, ср. резкий ответ Агриппине IV, 52, 3 и 54, 2.

¹² Pp. 184–5: “T.’s disingenuous generalisation (*sic!*) is typical” – и это на основании мнения Роджерса, что как раз на этот год приходится меньше судебных процессов, как будто в распоряжении последнего были *acta senatus*! Просто Тацит упомянул только самые скандальные.

¹³ P. 207: “Yet such paradoxes are quintessentially Tacitean” – при характеристике фракийского эпизода (46–51), блестяще изложенного, но по сути дела настолько незначительного, что Тацит даже не потрудился уточнить место сражения.